

никакого смысла, и онъ не въ силахъ придать смысль нашей жизни; ибо, какъ мы уже согласились, смысль всякой вещи состоить въ томъ, чтобы не только быть назначеннай для достиженія цѣнной цѣли, но также и въ томъ, чтобы дѣйствительно быть пригодной для достиженія этой цѣли. По крайней мѣрѣ, самъ авторъ упомянутой мною книжки вполнѣ согласенъ, что «ставить цѣлью жизни нѣчто недостижимое безразсудно: могу ли я, говорить онъ, всерьезъ вѣрить въ эту цѣль, когда я знаю, что успѣха въ стремлениі къ ней имѣть не буду?». А какую цѣль, вѣрнѣе всего, предписываетъ намъ нравственный законъ? Всякій, безспорно, согласится, что если имъ и предписывается какая нибудь определенная цѣль, то не иначе, какъ счастье всѣхъ людей. А какова эта цѣль—осуществимая или неосуществимая? Можно было бы привести тысячи примѣровъ и множество психологическихъ соображеній, доказывающихъ вполнѣшую неосуществимость этой цѣли, если допустить, что жизнь человѣка ограничивается однимъ лишь земнымъ существованіемъ. Но я для краткости употреблю другой пріемъ: я сошлюсь на установившуюся оцѣнку жизни, высказанную поэтами, религіознымъ сознаніемъ и философами. Величайшіе поэты, начиная съ царя Соломона, если только они воспѣвали не отдельные мгновенія жизни, а задумывались надъ оцѣнкой цѣлой жизни, всегда высказывали убѣжденіе въ неосуществимости, въ суности земнаго счастья. Наи-